

Трегубова Елена Николаевна, Сартаева Людмила Ивановна

О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПРИНЦИПАХ ЕГО ПАРАМЕТРИЗАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОМ КОРПУСЕ ДИАЛЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНИ

В статье отражены результаты экспериментального этапа параметризации мифологического дискурса в Электронном корпусе диалектной культуры Кубани. Анализируются возможности многоуровневой тематической разметки как инструмента аналитической стратегии Корпуса, позволяющие исследовать мифологический дискурс лингвокультуры с позиции его коммуникативного и концептуального своеобразия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/3/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 126-129. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 811.161.1'28; 81:42

Филологические науки

В статье отражены результаты экспериментального этапа параметризации мифологического дискурса в Электронном корпусе диалектной культуры Кубани. Анализируются возможности многоуровневой тематической разметки как инструмента аналитической стратегии Корпуса, позволяющие исследовать мифологический дискурс лингвокультуры с позиции его коммуникативного и концептуального своеобразия.

Ключевые слова и фразы: Электронный корпус диалектной культуры Кубани; диалектный дискурс; мифологический дискурс; корпусная диалектология; многоуровневая тематическая разметка.

Трегубова Елена Николаевна, к. филол. н., доцент

Сартаева Людмила Ивановна, к. пед. н., доцент

Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянске-на-Кубани

trgubova@ethnolex.ru; sartaeva60@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПРИНЦИПАХ ЕГО ПАРАМЕТРИЗАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОМ КОРПУСЕ ДИАЛЕКТНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНИ

Задача тематической разметки в корпусе лингвокультурологического типа сопряжена прежде всего с необходимостью концептуального и дискурсивного исследования корпуса текстов одной темы, что на данном этапе побуждает нас рассматривать корпус не как результат, а как процесс [6]. Тематические дискурсы отличаются специфическим репертуаром концептов и речевых программ их реализации. В Электронном корпусе диалектной культуры Кубани подкорпус «Традиционные верования» включает дискурсы «Народное православие» и «Мифологические воззрения» [7].

Система верований – существенно важная часть всего семиотического пространства духовной культуры, ее концептосферы, характеризующейся целостностью ее составляющих, имеющих языковую реализацию. Демонология как «часть мифологической системы, а шире – системы верований и культуры – требует комплексного подхода при изучении» [3, с. 23]. Концептуальное пространство мифа может быть доступно для наблюдения лишь при наличии репрезентативного корпуса текстов. Поэтому на данном этапе доминирует дискурсивный анализ при осуществлении параметризации дискурса, концептуальный анализ применяется в случаях, когда имеется достаточный корпус текстов для установления смысловых границ концептов.

Дискурс «Мифологические воззрения» представляет собой корпус текстов, в которых запечатлена диалектная мифологическая картина мира. Это – мифологические рассказы о встречах с домашними и природными демонами, гадательных практиках, домашних и диких животных, о приобретении целительной силы, о чудесных исцелениях, фантастические рассказы о змеях др. Большую часть из них представляют нарративы о духах, которые «не принадлежат ни подземному миру, ни небу, место их было рядом с людьми: в близлежащих лесах, в распаханных полях, в знакомых всем водоемах» [4, с. 26]. Эти персонажи представлены «не в единственном числе, как боги, а в массовом количестве, индивидуализируя все пространство, заселенное человеком. К великим богам люди обращались по весьма серьезным поводам, а с неведомой и нечистой силой, представителями низшей мифологии, они встречались на каждом шагу» [Там же, с. 27]. Представители нечистой силы всегда находятся в оппозиции человеку по признакам 'не свойственный человеку', 'инаковый', 'чужой', вызывают болезни, помогают или вредят людям, воздействуют на сферу их чувств и эмоций [1, с. 18].

Специфичность дискурса определяется самим феноменом мифа как «формы целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [2]. Особенность такого типа текстов, выводящих рассказчика и слушателя за рамки обыденной реальности, осознает и сам говорящий, обозначая их словом *причта* (*причя*, *прычта*, *прышита*). Наличие слова *причта* в дискурсе является маркером мифа:

*Мама мени було **причти** во те за чѣртив жэ они жэ рассказывають, я було боюся, гдэ там стукнуть ночью...

*Ну, вин тоди начав нам кое-шо рассказувать. Ну, рассказував то, шо ходыв вин по билу свити, богато ёму **прычий** случалося таких, шо должна быть биди, а вона ево мынула...

*Знач була така **прычя**. Это було в 46 году. Я работал на эМТэСи... Ну вона, правда, вмерла та бабушка.

***Прычты** всяки бувають, кому збувають, кому хто зна. Страдала от этого **домового** [8]...

В собранных материалах запечатлены фрагменты этнолингвокультурной картины мира, исторически сложившейся в обыденном сознании представителей региональной культуры, вторичной по времени своего образования, сформировавшейся под влиянием различных факторов и этнических традиций. Диалектные тексты, записанные во время этнолингвистических экспедиций, репрезентируют народную бесписьменную культуру. Представления о невидимой и неведомой действительности складываются в сознании диалектной личности на протяжении длительного времени и являются результатом коллективного дискурсивного опыта, так как в ходе речевого взаимодействия мифологические знания передаются в устной форме из поколения в поколение. Так, примечательным является то, что диалектоносители сопровождают свои сообщения ссылками на источник знания, а именно на множественный субъект, указывающий на наличие этнокультурного общего знания («у нас называют», «нам казали», «кажуть», «большинство людэй говорят», «говорылы раньше», «а раньше ище казали»). В качестве источника информации называются также и конкретные личности: родственники говорящих («чула я от бабушки», «ище титка казала», «ище бабушка нам росказувала»,

«дид казав», «моя прабабка казала», «цэ давно моя мама розказувала») или их знакомые («кума розказувала», «сосидка розказувала», «сосидка наша Пэтровна розказувала») и т.п. Наряду с этим, наблюдаются весьма неопределенные указания: «хтось казав, шо був случай», «був такий случай». Встречаются рассказы и о событиях, непосредственно пережитых лично рассказчиком или очевидцем которых он является, но, тем не менее, интерпретация происходящего также происходит из коллективного источника. *Бувало тильки поставити их на викно та з дому пойдэ, калы приходэ так уси цвэты на полу лэжати. Гарики разбити. Казали ей, шо домовый у нас злий жывэ, шо надо его накормити, та усэ пройде.* Третья группа – это нарративы на основе собственных переживаний рассказчика, в которых отражен опыт восприятия действительности коллективной диалектной личности: *Мого мужа в турму посадили. Я осталась з малими дитыми. Ночю, як дити позасыпають, я чула, як з горищя злязав домовый. Приходиф и лягал на пусту кровать, и снаф там до утра. А утром уходыф.* Однако все же отметим, что значительно больше нарративов, которые описывают чужие ситуации, при этом говорящий воссоздает тот объем сведений, который получен «в готовом виде» («чую», «чула», «так чула», «я слыхала»). В речи диалектоносителей отражаются коллективные представления, преломляющиеся в индивидуальном сознании; информанты опираются на «базовые» сведения, обретающиеся в региональной культуре универсальный статус. На данном этапе компоненты, вводящие в дискурс отсылки к чьему-либо опыту, отнесены к уровню темы (параметр вводится знаком < >). Например, тема <Апелляция к опыту> реализуется списком микротем *коллективный опыт*, *частный опыт*, *личный опыт*.

Мифологический дискурс образован пассажами разного типа, но доминирующим является нарратив, который может включать элементы дескриптивного пассажа. Экспозиторный пассаж встречается реже. Приведем пример экспозиторного пассажа с элементами дескриптивного, который реализуется в рамках стратегии генеративного регистра, что находит выражение в апелляции к коллективному опыту: *у нас звалы, назывлы, в конструкциях номинативного типа: цэ и видьмы и черты, в формах настоящего абстрактного: Нэчи'сту сы'лу у на'с зва'лы нэ'чис'тью. Цэ' и ви'дьмы, и черты', и ли'ший, и домови'й. Домови'х ще' называ'лы хозя'вами. Жывэ' ви'н ф ка'ждом до'ме. Домови' быва'ют до'брыми и худы'ми. Жывэ' в'ин за пи'чкой пид по'лом. Домови'й – це ма'лый чело'ви'к, нэвиди'мка, вэсь у шэ'рсти* [Там же].

На данном этапе исследования достаточным по объему для наблюдения является дискурс, коммуникативный центр которого – мифологический персонаж и его действия в отношении человека. Событийную рамку рассказа составляет сам контакт (как это было). Смысловое пространство концепта *демон* реализуется в дискурсе кубанской традиции как набор актантов, на основе которых строятся все нарративы о духах и контактах с ними [5]. Приведем список актантов, который является одновременно при разметке списком микротем (топосов):

- *Портрет*
- *Магический предмет*
- *Способ контакта*
- *Следствие контакта*
- *Причина контакта*
- *Место обитания МП*
- *Место контакта*
- *Семья мифического персонажа*
- *Реакция человека*
- *Защитное действие человека*

В отдельном нарративе реализуется не весь набор микротем, некоторые микротемы развиваются в дискурсе пространно, другие менее развернуты, третьи остаются «пустыми». Тем не менее, нарратив о демоне строится на основе структурно-семантической сетки, организующей в сознании диалектоносителя текст-инвариант: В данном случае его можно сформулировать так: мифологический субъект воздействует на человека посредством одного из каналов восприятия в определенном месте в определенное время, что является следствием ненормативного поведения человека / предупреждает его о текущих важных событиях (о которых он пока не извещен) / предупреждает о грядущих событиях, которые случатся в скором времени.

К уровню макротемы в структуре разметки относим параметры *событие* и *ситуация* (параметры макротемы вводятся знаком *\$*). Большая часть нарративов строится как рассказ о ситуации (вот что со мной или кем-либо случилось тогда-то при таких-то условиях). Параметр *событие* маркирует в свою очередь тексты, речь в которых идет об особом факте – о событии – как важном переживании, повлекшем изменение психологического, социального, духовного состояния. Это события рождения, смерти, брака, спасения, наказания, встречи со стихией, невидимым и неведомым и др. Репертуар макротем обеспечивает возможность апелляции к макродискурсу – получить конкорданс макротемы *событие* и сравнить дискурсы метеособытия, социального события, личного события, мистического события и др. Параметры *сакральный локус*, *сакральное время* также выведены на уровень макротемы. Такой принцип позволяет пользователю реализовать запрос не на уровне микротемы, а на уровне концепта; так, например, «следы» семантического «излучения» концепта *сакральное* запечатлены в разных тематических дискурсах. К этому же уровню относится параметр *оценка*, который маркирует наличие в тексте рассуждений об отношении мифического субъекта к человеку: добрый – злой, помогает – вредит и под. Параметр *запрет* также относим к уровню макротекста: как известно, норма строится на бинарной группе *можно – нельзя, должно – не должно* и образует аксиологическое основание культуры, что получает реализацию в дискурсе разной тематической природы. Запрет в мифологическом дискурсе имеет, безусловно, специфику мистического плана. В дальнейшем, при расширении

текстовой базы, предполагаются членение макротемы, выделение уровня темы и макротемы с учетом особенностей разновидностей дискурсов.

Рассмотрим как частный случай мифологический дискурс *домовой* в кубанской локальной традиции. Он образован нарративами, представляющими собой сюжетно оформленные истории или информативно-описательные тексты, повествующие о домашнем духе, известном всем славянским культурам. Анализ нарративов показывает, что концепт *домовой* в кубанской лингвокультуре представляет собой размытое смысловое пространство, воссоздаваемое разными группами текстов. Семантика ядерной зоны концепта *домовой* реализуется в конституентах со значениями 'невидимый' или 'привидевшийся', 'данный через ощущения' (в звуках, тактильных ощущениях, состояниях страха, ужаса). В данной локальной культуре актуализирован актант локус домового – *горище, пичка* (иногда уточняется *за пичкой пид полом*), что подчеркивает дифференцированность локусов человека и духа. Средством связи является лестница на горище. *Говорю: «Дит, пиды вбыри лестницю, если там ктось ходэ». Ну кто там можэ ходыть, если лесница стоить, а чирдак закрытый. А шагы фсё-таки бигаютъ. Такой случай, шо они боялись мини сказать. Значить они бояця, а наш домовый рышыл мэнэ прыдупрыдитъ, шоб я, дума, була готова к цёму. Цэ проделки нашого домового.*

Для народной традиции в силу ее устного бытования свойственны множественные именованные важных существенных смыслов – понятий, фактов, явлений. Очевидно, поскольку *домовой* делит с человеком непосредственно пространство обжитое – человеческое – пространство дома, то именно он (в сравнении с другими персонажами) получил в речевой практике несколько имен, в которых репрезентированы разные свойства – *горищник* (горище – чердак), *хозяин* (по функции), *домовой* (дух дома), *дымовый* или *дымовушка* (от дымоход). Ср. *дымовый – потому шо вин жывэ в дымовой труби, в дымоходи*, *домовый – потому шо в кого печки нймае, вин такычкэ дэс жэ находыця в доми*; *ужак, гадюк* (является в образе ужа, змеи). *Домовым дажэ гадюк бувае, вона врэда никакова нэ дэлае, токо добро. Ну, дэлае такое добро, шо хозяин ё нэ баче, и вот, например, так вона жывэ, вин ее нэ баче.*

Репертуар микротем обеспечивает возможность идентификации персонажа. Так, анализ МП *дымовушка* можно представить в форме реализации микротем:

- 1) место контакта – дом;
- 2) время контакта – ночь;
- 3) речевой акт:
 - а) разговор, обращение с просьбой, в которой встречается слово «хозяин», призванное указать на место демона в человеческом мире («...Та начинаю тади просыть: “Ну, дымовушка, если ты наш хазяин, мий хазяин, зачем жэ ты меня бэпокоишь, зачем жэ ты мини такый страх наводишь?”»);
 - б) рекомендации использовать обереги:
 - кошку (по совету некоей «Павловны»: «Больши бис кошки ны захотъ, ны захотъ сама, ни лажысь спать. Шоп с тобой была кошка фсигда»);
 - христианскую молитву («Я тоди ото як токо оно на той, “Очи наш” почитаю...»).

Вычленяя фрагменты текста, которые позволяют исследовать образный компонент концепта, можно отметить, что говорящим описываются:

- 1) внешний облик демона, точнее, тактильные ощущения, вызванные им у информанта («Зразу я за лапу схватыла, так и до сих пор чюствую: мяхка-мяхка, пушыста-пушыста лапка»; «Чую – опять лизэ, опять усюда ш, и я чюствую, шо воно нэ большэ кошениа нибольшого»);
- 2) поведение мифологического персонажа – движения, напоминающие поведение животного («Я ш чюствую, шо воно лизэ. И осюда, оцэ ось осюда як оно долизло до мэнэ, та отак и я чюствую, шо одна лапка сюда, друга сюда, одна лапка сюда, друга сюда»);
- 3) действия, связанные с контактом демона с человеком, – попытка напугать, причинить ему вред («Я почюствовала, як оно своим тильцэм, воно мэнэ давэ, от понимаеш, прямо давэ, давэ воно мэнэ»).

Оценка, которая дается диалектоносителем демону, является неоднозначной. Он воспринимается как сверхъестественное существо, которое может совершать вредоносные действия. И в то же время признается, что *дымовушку* следует считать хозяином дома, требующим уважительного отношения к себе.

Проведенный анализ, сопровождающийся сопоставлением рассматриваемого текста с информацией, полученной от других диалектоносителей, позволяет сделать вывод о том, что в данном случае можно говорить не о принципиальных отличиях демонологических поверий, а только о различии наименований. Персонаж, которого женщина обозначает словом *дымовушка*, похож по своим основным характеристикам на *домового* (*домовушку*), поэтому может быть отождествлен с этим типом домовых духов.

Таким образом, в результате анализа текстов определяется ключевое слово (репрезентант) концепта, которое избирается в качестве его имени и выступает в Кубанском диалектологическом корпусе (КубДК) [8] как название темы дискурса. Подобное исследование может иметь различную направленность. В случае если диалектоносители используют имя демона, совпадающее с общерусским, исследование концепта проводится для того, чтобы убедиться, что речь идет об одном из известных персонажей славянской демонологии. Если же в высказываниях информантов встречается именование мифологического персонажа, не имеющее аналогов в общеславянских поверьях, анализ служит средством идентификации демона.

С учетом рассмотренных выше особенностей, производится многоуровневая тематическая параметризация мифологического дискурса «Мифологические воззрения». Приведем фрагмент разметки темы *домовой*.

<Домовой>\$сакральное время\$\$сакральный локус\$сакральное время\$\$ запрет\$ситуация\$\$событие\$оценка\$портрет МП**канал контакта** действие человека** способ контакта* место обитания МП** время контакта* *А так там на чердаку була дырка, лазылы раньше було токо так, у дырку на горищэ лазылы.*

И вот мы, значит, купыли и, от кода это, отэц гукае кота: «Кыс-кыс-кыс», а вони з горыща. «Нэ гукай, а то домовый прыдѣт, нэ зовы, домовый прыдѣт», – батько отвѣчат. А кода от жэ ж так. Так и цэ ж вин за-прѣцал нам гукать кота. Вот, а потом мы його бачили, сыдыть отам на отому, с ушкамы як ото кит, от усив у нього нэма, усив у нього нэма, токо шэрсть така здорова, и ото лапкою... [А ушки тоже как у кота?] Як у кота малэньки тока, зломордэнький. Я його бачила, оцэ у тому, да, да, домового. А потом ото встает ото з горыща в двенадцать часов полуночно и ото начина машину крутыть швэйну. Мы и ваганы туда, мы и стё-ганкы туда, та уйди жэ ш ты, сука. И цэ утро до четырёх чясов, потом нэма (ст. Троицкая, 2003) [Там же].

<Домовой>\$оценка\$<Апелляция к опыту>*коллективный опыт* *портрет МП**ситуация**способ кон-такта**речевой акт**место обитания МП* Домовым, домовым даже гадюка буває, вона вреда никакого не делае, только добро. Ну, делае такое добро, шо хозяин еи и нэ баче. И вот, например, так вона жывэ, вин еи нэ баче. Я продаю от этот дом, так, а купую отам. Хозяин кажэ: «Ну, пишылы, домовый». Прыежае, пэрэжае туды, вона там, навроде як вмісто домового (ст. Старонижестеблиевская, 2001) [Там же].

<Домовой>\$событие\$ \$ситуация\$ \$оценка\$<Апелляция к опыту>* коллективный опыт**портрет МП**способ контакта** действие человека**место обитания МП**место контакта**время контакта* Страдала от этого домового, он не давал ей спать. От отэ-то ночью она лэжыть, спыть, она болела сильно, но так, ходячи болела, то ноги болят, то голова. Еи дивяносто восемь лет было. И вот, значить, ночью, ночью, значить, как токо ляжыт пид одеяло, хто-то бижыть, прямо бижыть пид одеяло, и от она аж боиця. А потом даже залазыть пид ноги и об ноги отак трэця. Кто от это? Но большинство людэй говорят, шо это домовый. Есть у каждом дома малэнький такой, як кошэчка, ну видить иё нхто нэ ви-дел, нхто, можэ быть хто. Говорять так, шо есть людэ такие верующие, шо они достойны всё видеть (ст. Старонижестеблиевская, 2001) [Там же].

<Домовой>\$ситуация\$<Апелляция к опыту>*коллективный опыт** личный опыт**способ контак-та**место обитания МП* Есть домовый, но домовый, кажуть, там, вин бильшэ жывэ дэ одыноки, а так вопце, кажуть, у каждом у двори есть домовый. Есть чюиця или таки сны предлагае, или чюиця, шо ходэ, ну нам, правда, такого ще нэ видилося, шоб мы чюлы, шоб мы такэ замичалы, домови, кажуть, шо есть (ст. Старонижестеблиевская, 2003) [Там же].

Излагаемая на страницах статьи концепция параметризации лингвокультурного дискурса является результа-том экспериментального этапа исследования мифологических нарративов. Наряду с этим, проведенный анализ становится основой для последующего этапа работы – параметризации мифологического дискурса, отражающе-го поверья, бытующие в среде носителей традиционной культуры, проживающих в Краснодарском крае. Прин-цип многоуровневой тематической разметки позволяет отражать макро- и микрокатегории дискурса, апеллируя тем самым к разным уровням культурного знания, репрезентированного в дискурсе народной традиции.

Список литературы

1. **Виноградова Л. Н.** Человек/не человек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 17-27.
2. **Миф** [Электронный ресурс] // Словарь философских терминов. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/word/миф> (дата обращения: 02.03.2016).
3. **Питина С. А.** Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 191 с.
4. **Путилов Б. Н.** Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб., 1999. 368 с.
5. **Сартаева Л. И.** Концепт «водяной» в региональной кубанской культуре // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (10-14 сен-тября 2015 г.) / под ред. М. Ю. Беляевой, Н. А. Серогодского; Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 154-160.
6. **Трегубова Е. Н.** Многоуровневая тематическая разметка как инструмент этнолингвистической репрезентации диалект-ного дискурса в электронном текстовом корпусе // Вестник Томского университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 66-77.
7. **Трегубова Е. Н.** Формы взаимодействия мифологического и христианского дискурса в кубанской народной тради-ции // Ресурсы региона: объект исследования и источник обновления образовательной парадигмы: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Славянск-на-Кубани, 12-16 сентября 2013 г.). Славянск-на-Кубани, 2014. С. 41-45.
8. **Фонды Кубанского диалектологического корпуса.**

ON THE SPECIFICITY OF MYTHOLOGICAL DISCOURSE AND THE PRINCIPLES OF ITS PARAMETRIZATION IN THE ELECTRONIC CORPUS OF KUBAN DIALECT CULTURE

Tregubova Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Sartaeva Lyudmila Ivanovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
 Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
 tregubova@ethnolex.ru; sartaeva60@mail.ru

In the article the results of the experimental phase of the parameterization of the mythological discourse of the electronic corpus of Kuban dialect culture are presented. The authors analyze the possibilities of multi-level thematic marking as a tool for the ana-lytical strategy of the corpus, which allow studying the mythological discourse of linguo-culture from the perspective of its communicative and conceptual originality.

Key words and phrases: electronic corpus of Kuban dialect culture; dialect discourse; mythological discourse; corpus dialectology; multi-level thematic marking.